

Сергей Худиев

ЗАЧЕМ

МЫ ВЕРИМ

В БОГА?

С. Л. Худиев

Зачем мы верим в Бога?

«Издательство Сретенского Монастыря»

2020

Худиев С. Л.

Зачем мы верим в Бога? / С. Л. Худиев — «Издательство
Сретенского Монастыря», 2020

ISBN 978-5-7533-1643-1

Книга о том, как меняется жизнь человека, когда он становится христианином, как органично впустить веру в жизнь, как открыть в себе лучшие качества, взрастить смирение и обрести гармонию.

ISBN 978-5-7533-1643-1

© Худиев С. Л., 2020
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2020

Содержание

О величайшем открытии, которое человек может совершить	5
Единственное животное, задающее вопросы	7
Два взгляда на мир	9
Он сотворил нас, и мы – Его творение	12
Грехопадение. Порча	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Худиев С. Л

ЗАЧЕМ МЫ ВЕРИМ В БОГА?

О величайшем открытии, которое человек может совершить

В юности многие мечтают об открытиях. Неоткрытые острова давно кончились, и люди мечтают о чем-то, что они найдут в глубинах океана или на других планетах.

Мало кто из нас окажется на других планетах; но мы можем открыть нечто несравненно большее: Бога, духовный мир, жизнь вечную и блаженную.

В рассказе Герберта Уэллса «Страна слепых» герой попадает в отрезанную от внешнего мира горную долину, населенную людьми, уже много поколений пораженными наследственной слепотой. Долина отличается плодородием и мягким, благоприятным климатом, так что ее слепые обитатели вполне приспособились к своей жизни в вечной темноте. Память о мире, откуда некогда пришли их предки, сохранилась в виде полузабытых мифов. Путешественник пытается рассказать о мире за пределами их долины, но им его речь кажется полной бессмыслицей. Эти люди никогда не видели ни зеленой травы, по которой они ступают, ни звездного неба у них над головами, ни сверкающих горных пиков, окружающих долину. Они живут в очень небольшом мире, доступном их чувствам, – и не верят в существование чего-то еще.

В знаменитом мифе древнегреческого философа Платона речь идет об узниках, сидящих в пещере, которые могут судить о реальных предметах только по теням, которые они отбрасывают на стены пещеры. Все, что доступно их восприятию, весь их мир – это тени, так что для человека, освободившегося из пещеры, встреча с реальностью будет почти невыносимым потрясением.

Оба этих литературных образа объединяет одно: люди могут быть лишены самого важного измерения их жизни, жить, как слепые, как узники в пещере, и почти не осознавать этого. Огромный, таинственный и непостижимый мир духовной реальности остается за пределами их жизни. В нашей стране людям десятилетиями внушали, что пещера – это единственная реальность, и теперь, когда это давление уже давно прекратилось, люди просто привыкли жить в пещере. Им трудно поверить, что, кроме пещеры, есть что-то еще. Да, многие смутно чувствуют, что пещера – это еще не все; а некоторые даже с уверенностью говорят об огромном и сияющем мире за ее пределами. Но чаще всего люди отмахиваются от таких разговоров, даже считают их вредными, отвлекающими от благоустройства нашего подземелья.

Мореплаватель, вступающий на землю нового континента, или космонавт, выходящий в открытый космос, переживают менее удивительное открытие, чем человек, открывающий реальность духовного мира; как внезапно прозревший он обнаруживает, что трава, по которой он ходил все это время, изумрудно-зеленая, снег на горных вершинах – белый, а небо – синее. Он с внезапным содроганием видит пропасти, по краю которых ходил все это время, и с радостным трепетом – гостеприимные долины, полные удивительных чудес. Привычка жить с закрытыми глазами тянет его назад, но он уже не может жить, как раньше.

И христианская жизнь – это жизнь в соприкосновении с духовной реальностью. Иногда Бог дает нам осознать ее очень ясно; иногда мы должны «ходить верою, а не видением» и просто хранить верность однажды принятому решению.

Мы начинаем понимать, что мир гораздо больше привычной нам пещеры, в нем есть вещи неизмеримо более прекрасные чем все, чего мы когда-либо желали, и невыразимо более страшные, чем все, чего мы когда-либо боялись; не только мир, в котором мы живем, но и

мы, люди, гораздо больше, чем смели себе в этом признаться; мы призваны к вечной жизни – не просто к бесконечной, а к качественно иной; причем эта новая, совершенно другая жизнь начинается уже сейчас.

Единственное животное, задающее вопросы

Если бы мы могли взглянуть на нашу планету отстраненно, глазами ученого, исследующего жизнь в этом уголке вселенной, мы бы увидели множество видов жизни, объединенных общими признаками, – все они взаимодействуют с окружающей средой, добывая из нее пищу; все они избегают дискомфорта и стремятся к комфорту; все они наделены мощным стремлением к самосохранению и продолжению рода. Все они обречены умереть – от голода, от когтей и клыков других существ, и – изредка – от старости.

Это можно сказать про котов и собак, медведей и мышей, лосей и лис, но среди всех этих существ есть один вид, который отличает странная аномалия. Эти животные, как и все остальные, ищут пищи, безопасности и продолжения рода; но у них есть загадочные потребности и стремления, выходящие очень далеко за эти рамки. Эти стремления не связаны ни с пищей, ни с размножением, ни даже с безопасностью; но они настолько сильны, что могут заставить их отказаться от всего этого.

Этот аномальный биологический вид называется *Homo Sapiens*; вы сразу распознаете его представителей по одному ключевому признаку – они задают вопросы. В Интернете вы не видите лица вашего собеседника; вы можете ничего не знать про его пол или возраст, цвет волос или глаз; он (или она) может выбрать себе картинку с изображением какого-нибудь животного – глуповатого медведя, трогательного котенка, печальной собаки или забавной обезьяны. Но вы абсолютно точно знаете, что на том конце сети – не котенок и не обезьяна, там может быть только человек. Потому что только человек способен задавать вопросы.

Некоторые из человеческих вопросов связаны с потребностями, которые мы разделяем с другими животными: как мне прокормиться и прокормить свою семью? Как мне выстраивать отношения с противоположным полом? Некоторые вопросы находятся уровнем выше и продиктованы тем, чего у животных нет: стремлением к познанию ради самого познания. Почему изменяются фазы Луны? Почему большинство этих светящихся точек, которые мы видим на ночном небе, неподвижны по отношению друг ко другу, а некоторые – движутся? Почему меняются времена года? Почему происходят приливы и отливы? Это – научные вопросы, и, хотя наука очень много сделала для удовлетворения нашей потребности в пище и безопасности, в ее основании лежит наше стремление к знанию ради знания. Но мы способны задаваться и вопросами более высокого уровня: в чем смысл нашей жизни? В чем смысл мироздания в целом? Почему мы живем и почему обречены умереть? Высшие животные способны бояться смерти – и мы называем это переживание у людей «животным ужасом». Но только люди способны перед лицом смерти задаваться вопросом «почему?».

Одна из величайших фигур в истории нашей цивилизации – Сократ отличался тем, что задавал вопросы о вещах, которые все остальные считали само собой разумеющимися, например, «Что есть справедливость?» или «Что есть красота?». Некоторые из этих вопросов сильно раздражали сограждан – и Сократ оказался перед судом. Его защитительная речь дошла до нас, а с ней и знаменитые слова: «Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой», ставшие девизом всей европейской философии. Что же такое «неисследованная жизнь»? Это жизнь, проходящая как бы в спячке, когда человек просто не задумывается о «больших вопросах», как их тысячелетия спустя назвал немецкий мыслитель Иммануил Кант: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?».

Можно жить повседневными радостями и огорчениями, мелкими конфликтами и страстями, как будто под наркозом перемещаясь от рождения к старости и смерти. Но можно проснуться и задуматься: «Что я здесь делаю? Для чего мне дана жизнь? Есть ли у меня надежда на что-то большее?»

Те из нас, кто застал советскую школу (или вуз), помнят, что «основным вопросом философии» объявлялся вопрос о том, что первично – материя или сознание. Похоже, гораздо более удачно основной вопрос философии определяет французский мыслитель Альбер Камю в своем «Эссе об Абсурде»: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема... Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии». В самом деле, стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить? Почему? Стоит ли продолжать этот путь?

Люди часто не задумываются над этим вопросом; они предпочитают не заглядывать в пропасть, по краю которой ходят все время. Мы можем попробовать на какое-то время укрыться в картонном домике наших повседневных забот, небольших достижений, мелких свар, пока порыв ледяного ветра не унесет его прочь – и мы не столкнемся с хаосом и смертью, которые мы изо всех сил старались не замечать.

«Почему мы живем? Почему мы обречены умереть? Что нам делать со всем этим?» – вопросы, от которых мы не сможем уйти; поэтому давайте не будем прятаться от них. Как говорит тот же Камю, «для человека, который не жульничает с самим собой, действия регулируются тем, что он считает истинным». Давайте попробуем выяснить, что истинно, – и что из этого следует.

Два взгляда на мир

Существуют два взгляда на мир: один предлагает вера, другой – атеизм. Рассмотрим ответ атеизма. Упрек, который можно высказать большинству атеистов, можно высказать большинству из нас вообще – это упрек в поверхностности, в нежелании задумываться. Неверие обычно избегает делать последовательные выводы из своего мировоззрения; как правило, оставив веру, люди продолжают кутаться в лохмотья, оставшиеся от одежд, унесенных из христианского дома. Как будто можно избавиться от веры в Бога, но при этом на чем-то основать веру в человеческое достоинство, разум, добро или светлое будущее. Конечно, люди могут придерживаться сколь угодно противоречивых взглядов, но позвольте нам указать на их внутреннюю бессвязность. Впрочем, возможно, атеисты не захотят слушать упреков христиан; поэтому дадим слово великому атеисту – немецкому мыслителю Фридриху Ницше: «Слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и все время кричал: “Я ищу Бога! Я ищу Бога!” Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот. “Он что, пропал?” – сказал один. “Он заблудился, как ребенок”, – сказал другой. “Или спрятался? Боится ли он нас? Пустился ли он в плавание? Отправился в другие страны?” – так кричали и смеялись они вперемешку. Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их взглядом. “Где Бог? – воскликнул он. – Я хочу сказать вам это! Мы его убили – вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство?”»

Эту точку зрения хорошо сформулировал, например, французский ученый Жак Моно: «Человек должен наконец пробудиться от тысячелетнего сна, и, пробудившись, он окажется в полном одиночестве, в абсолютной изоляции. Лишь тогда он наконец осознает, что, подобно цыгану, живет на краю чуждого ему мира. Мира, глухого к его музыке, безразличного к его чаяниям, равно как и к его страданиям или преступлениям... Человек наконец сознает свое одиночество в равнодушной бескрайности Вселенной, из которой он возник по воле случая». И, наверное, еще лучше об этом сказал русский поэт Георгий Иванов:

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.

Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.

Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,

Что мертвее быть не может

И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

С материалистической точки зрения все человеческие надежды, мечты, надежды и страхи – побочный продукт электрохимических реакций в коре головного мозга, которые навсегда прекратятся в момент физической смерти. Мироздание бесцельно и лишено какого бы то ни было смысла. Как сказал известный атеистический публицист Ричард Докинз, «во вселенной нет ни добра, ни зла, ни цели, ни замысла, ничего, кроме слепого, безжалостного безразличия». Слепые и бессмысленные силы, приведшие нас в бытие, так же слепо и бессмысленно нас уничтожат.

Последовательное отрицание Бога делает жизнь «блужданием в бесконечном ничто», где нет ни верха ни низа, ни целей, ни ориентиров; достаточно серьезные и глубокие атеисты давно это обнаружили. У Альбера Камю хватает последовательности признать, что жизнь абсурдна. Его соотечественник, Жан-Поль Сартр, определяет человека как «беспольную страсть». Пионерское бодрчество – вот избавимся от древних суеверий и запируем на просторе – предлагает игнорировать тот очевидный факт, что этот простор, как только мы оглядимся, оказывается бесконечной ледяной пустыней. На вопросы, которые мы ставим, – почему мы живем? почему умираем? и что нам делать? – просто не существует ответа. Как это сформулировал известный атеистический публицист Кристофер Хитченс, когда ему диагностировали смертельную форму рака: «На дурацкий вопрос “а почему меня?” мироздание едва утруждает себя ответом “а почему нет?”».

Но кроме пионерского бодрчества, которое ищет заглушить трагизм человеческого существования битьем в барабаны и скандированием речёвок, атеизм предлагает и другой вариант – мужественное принятие истины, какой бы удручающей она ни была. Да, Бога нет, жизнь бессмысленна и обречена, но мы будем мужественно смотреть в лицо бездне, бросая вызов неизбежности. Лучше прямо смотреть в лицо суровой реальности, чем искать утешения в религиозных иллюзиях.

Этот подход апеллирует к определенным ценностям: лучше быть мужественным, чем трусливым; лучше быть приверженным истине, чем иллюзии; лучше смотреть в лицо реальности, чем жить в мире фантазий, а вот предаваться самообману – плохо. Беда в том, что эти ценности полностью бессмысленны в атеистической вселенной. Вера в то, что мы имеем нравственное обязательство искать истину, а найдя – хранить ей верность, причем в этом нам следует проявлять стойкость и мужество, является наследием христианского взгляда на мир. В мире, сотворенном Богом, у нас действительно есть объективные нравственные обязательства, одно из которых – искать истину. В христианской картине мира у человека есть подлинное благо и предназначение, которое как раз и состоит в том, чтобы познать истину – то есть живого и истинного Бога – и возрадоваться ей вовеки. Но в атеистическом мироздании истина не является ни личностной, ни благой. В ней нет ничего, кроме «слепого, безжалостного безразличия». У нас нет ни долга ее искать, ни уверенности в том, что найти ее – стоит.

В этом случае бессмысленно говорить о том, что мужество, с которым человек смотрит в лицо унылой реальности, достойно похвалы – достойно в чьих глазах? Никакого высшего Судии, который мог бы судить деяния по их истинному достоинству, нет; наши суждения «это достойно, а это – нет» не соотносятся ни с какой объективной реальностью. Вы можете считать определенный поступок достойным, я – дурацким; спрашивать, кто из нас прав, бессмысленно, потому что в мироздании без Бога просто нет никакого объективного критерия, по которому мы могли бы быть правы или неправы; наши суждения являются одинаково пустым сотрясанием воздуха.

Перед лицом космической пустоты бессмысленно молиться и уповать – и точно так же бессмысленно противиться и негодовать. Человек, дерзко бросающий вызов пустоте, ничуть не лучше человека, смиренно обращающего туда молитвы, – там некому принимать ни вызовов, ни молитв, пустота не враг, которому можно бросать вызов, и не друг, с которым можно помириться, – это просто пустота. Мужественное бросание вызовов неодушевленным предметам – такое же дурацкое занятие, как молитвы им; обращаться к такому мужеству как к некой позитивной ценности вполне бессмысленно. Вся та романтика мятежа, к которой нередко обращается атеизм, теряет всякий смысл, если мы принимаем его хоть немного последовательно – ведь в этом случае просто не существует Того, против кого можно было бы поднимать мятеж.

Огонь сознания, случайно воспламенившийся в ходе бессмысленного и бесцельного разворачивания Вселенной, так же случайно погаснет, как будто его никогда не было. «Почему? – А почему нет?». Всякая индивидуальная жизнь навсегда угаснет; наконец, угаснет и человечество. Подвиги и преступления, надежды и страхи, достижения и провалы в конечном итоге будут иметь один и тот же результат – никакой. Вы не отличите костей праведника от костей злодея; все истлевают одинаково. Мужество и трусость, верность и предательство, сострадание и черствость идут перед мирозданием в одну цену – никакую. Мироздание бессмысленно, смерть необратима – если вы принимаете атеизм, принимайте его всерьез.

«Человек изгнан навек, ибо лишен и памяти об утраченном отечестве, и надежды на землю обетованную», – говорит Альбер Камю; даже он вынужден тут прибегать к христианской терминологии. Христианство смотрит на наше состояние по-другому: не «мы лишены», а мы подавили в себе память об Отечестве и отказались от надежды. Это наш грех, наш выбор, который мы совершили и в котором закоsnели; жизнь не бессмысленна – это мы в своем неверии и противлении отвергаем ее смысл. Абсурд – не свойство существования как такового. Это следствие нашего трагического мятежа против Того, кто является смыслом и целью мироздания.

Само наше переживание абсурда, сам поиск смысла свидетельствует о том, что мы созданы для некоего предназначения – и отпали от него. Чтобы оставаться атеистами, нам нужно поверить, что это – какой-то побочный эффект эволюции, бесконечно долгого процесса конкуренции за еду и самок. Но способность задумываться о смысле – вместо того чтобы есть и размножаться, размножаться и есть – только подрывала бы наши шансы в эволюционной гонке. Откуда в нас эта способность искать смысла и цели – то, что мы называем «душой»? Вера отвечает на этот вопрос: потому что мы созданы, чтобы найти. И поиски эти начинаются в глубокой древности.

Он сотворил нас, и мы – Его творение

Вселенная непостижимо огромна, упорядочена и прекрасна. «Хоры стройные светил», смена времен года, соразмерность человеческого тела – издревле люди видели за этим какой-то творящий Разум. Не слепые силы, а кого-то, кто привел Вселенную в бытие (или по крайней мере упорядочил), кого-то, кто любит красоту, гармонию и порядок. Еще язычник Платон в диалоге «Тимей» говорит о том, что космос – прекраснейшая из возникших вещей, а его Устроитель – наилучшая из причин. Аристотель усматривает за мирозданием Бога, который является «перводвигателем», первопричиной всего происходящего в мире.

Но, несмотря на эти прозрения философов, греки, как и другие народы, были политеистами и поклонялись множеству богов, отождествляя с ними силы природы.

Но был и другой народ – древние евреи, которые резко отличались от всех остальных. К родоначальнику евреев Аврааму напрямую обратился Бог. Не один из богов, а единый истинный Бог, сотворивший небо и землю. Более того, Бог установил с людьми определенные отношения – то, что Библия называет Заветом. Так началась история Откровения.

То, о чем смутно догадывались лучшие из языческих философов, было открыто ясно. Мироздание существует, оно упорядоченно и прекрасно потому, что у него есть Создатель.

Бывают истины, которые никто особенно не оспаривает, поскольку это никому не нужно. Они ни на что не влияют. Но одна истина – истина о Боге-Творце – меняет все. От нее полностью зависит, как мы живем и как мы умираем, что мы полагаем важным, а что нет, как мы видим себя, друг друга и мир в целом.

Библия предлагает нам взгляд на мироздание, который полон смысла, радости и надежды. Как говорит 99-й псалом,

Воскликните Господу, вся земля! Служите Господу с веселием; идите пред лице Его с восклицанием! Познайте, что Господь есть Бог, что Он сотворил нас, и мы – Его, Его народ и овцы паствы Его. Входите во врата Его со славословием, во дворы Его – с хвалою. Славьте Его, благословляйте имя Его, ибо благ Господь: милость Его вовек, и истина Его в род и род (Пс. 99, 1–5).

Согласно библейскому откровению, мир сотворен Богом: инфузории и Архангелы, травинки и галактики, песчинки и люди – все, что мы видим и что мы не видим. Все это Бог замыслил и создал, как писатель создает роман или композитор – симфонию. Разница тут в том, что писатель использует язык и, как правило, образы, которые существовали до него. Композитор не является создателем звуков – он только расставляет их определенным образом. Бог творит мир из ничего. Все, что есть, существует только потому, что Бог так пожелал. Как поют спасенные в последней книге Библии – Откровении Иоанна Богослова, *достоин Ты, Господи, приятя славу и честь и силу: ибо Ты сотворил все, и [все] по Твоей воле существует и сотворено* (Откр. 4, 11).

Что это означает на практике? Очень много глубоко практических вещей, касающихся нашего достоинства, свободы, предназначения и надежды.

О НАШЕМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ

Из реальности Творения – все создано Богом из ничего и поддерживается Им в бытии – следует ряд важных истин. В частности, то, что у нас есть предназначение.

Предназначение есть у большинства из того, что мы видим. Компьютер, на котором я набираю этот текст, предназначен для редактирования статей, общения в Интернете, воспроизведения фильмов и музыки – и совершенно не годится для того, чтобы, например, хранить

продукты. Для этого есть холодильник, который, однако, не показывает кино. Это относится не только к предметам, которые создали люди, но и к тому, что мы видим в природе: глаза созданы для того, чтобы видеть, уши – чтобы слышать, легкие – чтобы дышать, тело – для пищи и пища – для тела; мужчина и женщина созданы друг для друга.

Все в мире взаимосвязано, и мы сейчас вдыхаем кислород, выработанный в ходе фотосинтеза тропическими лесами Южной Америки, а в нашем теле есть атомы тяжелых элементов, которые могли возникнуть только при взрывах сверхновых звезд.

С древнейших времен лучшие умы человечества задумывались над вопросом: а для чего созданы мы, люди, для чего мы здесь? В традиционных культурах мудростью называлась именно способность человека найти смысл своей жизни, собственное предназначение и жить сообразно ему. Сегодня мы находимся под сильным влиянием другого мировоззрения, которое провозглашает фундаментальную бессмысленность мироздания вообще и человеческой жизни в частности.

Да, человек не может жить бессмысленной жизнью: не потому ли, например, известный психотерапевт Ирвин Ялом, по убеждениям своим – атеист, советует изобрести, придумать смысл, а потом как-то убедить себя, что этот смысл объективен. Человеку, таким образом, не остается ничего другого, как жить в самообмане: его жизнь бессмысленна, но он должен как-то внушить себе, что это не так.

Ирония ситуации в том, что это мировоззрение утверждает себя от имени «разума». Традиционно у христиан (но не только) разум понимался как способность видеть цель, смысл, предназначение мироздания и отдельной человеческой жизни, отличать добро от зла, правильный путь от неправильного, видеть, в чем состоит наш долг и наша надежда. Но с эпохи Просвещения (более конкретно – с шотландского мыслителя Дэвида Юма) разум лишился функции определения главных целей жизни, а стал рассматриваться только как инструмент наших желаний.

Мы хотим тех или иных вещей – достатка, безопасности, власти, удовольствий, – и мы используем разум для того, чтобы достичь этих целей. Вот как выражал эту идею сам Дэвид Юм: «Разум является и должен быть рабом страстей, и никогда не должен притворяться, что может не только подчиняться и служить им». А нужно ли нам все это на самом деле? Сделает ли все это (вещи, деньги, удовольствия, власть) нас по-настоящему счастливыми? В рамках неверия такой вопрос просто не имеет ответа: ведь в жизни нет никакого смысла, в жизни есть только желания, и разум может только искать путь к их удовлетворению. Мы, христиане, верим совсем по-другому: у нас есть подлинное предназначение, и мы можем его найти. Наша жизнь – не бесцельное блуждание, а дорога, которую стоит пройти. Через грех мы сбились с пути, но мы можем через покаяние и веру вернуться на него, обратиться к тому, для чего мы созданы и предназначены.

«Человек создан для счастья, как птица для полета», – сказал Владимир Короленко, и эта фраза стала крылатой, с нею охотно соглашались. Но она подразумевает две важные вещи: мы созданы по чьей-то воле и замыслу, а не появились случайно; и мы созданы для счастья.

Если это так (а это так), то мы будем счастливы, именно когда последуем своему предназначению. В такое предназначение входят многие понятные нам явления: осмысленный и созидательный труд, отношения с другими людьми, дружеская привязанность и семейная близость. Мы счастливы в этой, земной жизни, когда поступаем сообразно тому, для чего созданы.

Но наше предназначение гораздо, гораздо больше. Мы созданы не для временного благополучия, а для вечного счастья – чтобы познать Бога и возрадоваться Ему во веки, чтобы навсегда водвориться в Его доме, как любимые члены Его семьи, чтобы войти в жизнь нового, спасенного и преображенного мироздания.

Вера в то, что мы сотворены благим Богом, означает, что наша жизнь может быть тяжелой, но она никогда не является бессмысленной. Мы живем в надежде, доверии и ожидании.

Английский писатель Джон Толкин, автор знаменитой трилогии «Властелин колец», описывает эту надежду в одном из своих произведений – «Разговоре Финрода и Андрет». Эльф Финрод в разговоре с человеческой женщиной Андрет называет эту надежду словом «эстэль»:

«– Что такое надежда? Когда ждешь чего-то хорошего и знаешь, что оно может не сбыться, но может и сбыться, ибо есть основания тому? Нет у нас такой надежды.

– Есть две надежды, – ответил Финрод. – То, что зовут “надеждой” люди, мы называем “амдир”, “взгляд вперед”. Но есть еще другая надежда, ее основания – глубже. “Эстэль”, “вера”, зовем мы ее. Никакие события в мире не могут поколебать ее, ибо она зиждется не на опыте, но на нашем естестве и изначальном бытии. Ибо если мы воистину Эрухуни, дети Единого, Он не позволит лишиться Себя Своего достояния – не позволит ни Врагу, ни даже нам самим. Вот первооснова эстэль, и мы не теряем ее даже в предвидении Конца: что все Его замыслы неизменно ведут к радости Его детей».

Эта вера и надежда не является пассивной – она меняет все в нашей жизни. Мы видим, что у каждого из нас есть какое-то прекрасное, дивное предназначение, и мы ищем его – в молитве, чтении Писания, общении с мудрыми и благочестивыми людьми. Мы призваны понять, к чему наш Создатель призывает именно нас, и изменить нашу жизнь сообразно этому.

ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

Итак, все мироздание создано и поддерживается в бытии по воле Божией; но нам важно избежать некоторых ложных ассоциаций – с механизмом или чем-то вроде огромного автоматизированного завода, который Бог запустил, а дальше все крутится само собой, без Его надзора и участия. Такая точка зрения была популярна среди образованных людей в конце XVIII столетия, и называлась она деизмом. Но мы исповедуем теизм: Бог не просто создал мир, но и активно участвует в его жизни, направляя мироздание к предначертанным Им целям. И это внимание Бога относится не просто к общей картине, но к каждому конкретному творению.

Как говорит Господь Иисус, *«Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без [воли] Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь же; вы лучше многих малых птиц»* (Мф. 10, 31). Если в короткой птичьей жизни действует Божественный Промысл, то уж тем паче он присутствует в жизни человека. У псалмопевца сказано: *«Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей. Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это. Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыши мои видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было»* (Пс. 138, 13–16).

Человек – не продукт конвейерного производства. Вы у Бога один такой. Ваша жизнь стоит того, чтобы быть прожитой. Вы созданы для уникальных, глубоко личных отношений с Богом. Люди говорят о великих художниках, поэтах или композиторах, что их вклад в культуру уникален. Если бы их не было, весь наш мир многого бы лишился. В Библии сказано, что не только гении – каждый человек уникален и вносит в мироздание свой неповторимый вклад. Бог призвал каждого человека, вас и меня, в Его мироздание с определенной целью, потому что без вас, меня, вашего соседа, вашего случайного попутчика в метро Его мироздание не полно. Это значит, что каждый человек обладает достоинством и ценностью в очах Бога.

И тут с христианством, и еще раньше – с ветхозаветной верой в единого Бога-Творца связан настоящий переворот. В языческом мире достоинство человека – *dignitas*, как говорили римляне, – определялось тем, как он выглядел в глазах других людей. Почтенный отец семейства, украшенный подвигами на поле брани, приобретший влияние в обществе, богатый, сильный, верный своему слову, имел много *dignitas*. Его уважительно приветствовали на улицах, внимательно выслушивали, усаживали на почетные места. Раб же или бедняк не имел *dignitas*,

и никто не относился к нему с уважением, ни закон, ни обычай не признавал за ним никаких прав.

Одним из сильнейших стремлений в жизни для римлянина было приобретение *dignitas* – уважения, престижа в глазах сограждан. Ради этого люди шли на войну, убивали и умирали, тратили личные состояния на общественные постройки.

Подобное языческое представление о достоинстве существует до сих пор. Оно проявляется в том, что люди воспринимают друг друга более или менее ценными и достойными в зависимости от качеств или достижений. Считается, например, что страдающий олигофренией и едва способный к членораздельной речи – менее ценное и достойное человеческое существо, чем нобелевский лауреат. Разделение на более и менее ценных может проводиться по признаку расы, нации, интеллектуальных способностей, внешней привлекательности, социального статуса и тому подобным.

Христианство видит человеческое достоинство иначе. Любой человек создан по образу Божию; его достоинство заключается именно в этом. Он может быть бедным, больным, некрасивым, лишенным каких-либо талантов, занимать самое низкое положение в обществе – и обладать всей полнотой человеческого достоинства. Неважно, как на человека смотрят другие люди, и неважно, как он сам на себя смотрит, – важно, как на него смотрит Бог. Дитя во чреве матери, старец на пороге вечности, академик, простак, богач, гастарбайтер, телезвезда, уборщица, атлет, инвалид, белый, желтый или черный – любой человек обладает неустрашимым достоинством, которое налагает на нас обязательство признавать и уважать его.

Даже когда человек грешит и падает, он сохраняет этот образ. «Образ есть неизреченной твоей славы, хотя и язвы ношу согрешений», как говорится в церковной молитве. Поэтому с каждым человеком следует обращаться так, как если бы у него было много *dignitas* – как с кем-то почтенным. Мы проявляем нашу веру в творение, когда делаем именно это – почитаем образ Божий в каждом из ближних. Наш ближний достоин уважения, признания, служения его нуждам не потому, что он умен, или красив, или имеет заслуги, но потому, что он создан по образу Божию.

ВЛАДЫЧЕСТВО ЧЕЛОВЕКА: МОГУ ЛИ Я ЧТО-ТО ИЗМЕНИТЬ?

Иногда люди чувствуют себя бессильными – жертвами обстоятельств, других людей, своих собственных дурных привычек... Им кажется, что они ничего не могут изменить. На самом деле это не так – люди обладают владычеством; каждому из нас делегированы огромные полномочия.

О том, что Бог наделяет человека владычеством над тварным миром, говорит уже первая глава книги Бытия: *И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями], и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею], и над всяким животным, пресмыкающимся по земле* (Быт. 1, 27–28).

В языческих повествованиях о творении людям отводится служебная роль – снабжать богов жертвоприношениями; библейская картина мира говорит о том, что человек поставлен владыкой над делами рук Божиих. Как говорит псалмопевец, *когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, все, преходящее морскими стезями. Господи, Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле!* (Пс. 8, 4–10).

Власть человека должна была проявляться в «возделывании и хранении» мира: *И взял Господь Бог человека, [которого создал], и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его* (Быт. 2, 15).

Святитель Иоанн Златоуст учил: «Человек есть превосходнейшее из всех видимых животных; для него-то и создано все это: небо, земля, море, солнце, луна, звезды, гады, скоты, все безсловесная животная. Почему же, скажешь, он создан после, если превосходнее всех этих тварей? По справедливой причине. Когда царь намеревается вступить в город, то нужно оруженосцам и всем прочим идти вперед, чтобы царю войти в чертоги уже по приготовлению их: так точно и теперь Бог, намереваясь поставить как бы царя и владыку над всем земным, сперва устроил все это украшение, а потом уже создал и владыку, и таким образом на самом деле показал, какой чести Он удостоивает это животное... Сказав: сотворим человека по образу нашему и по подобию, (Бог) не остановился на этом, но последующими словами объяснил нам, в каком смысле употребил слово “образ”. Что говорит? – И да обладают рыбами морскими, и птицами небесными, и всеми гады, пресмыкающимися по земли. Итак, образ Он поставляет в господстве, а не в другом чем. И в самом деле, Бог сотворил человека властителем всего существующаго на земле, и нет на земле ничего выше его, но все находится под его властью» (Иоанн Златоуст, свт. Беседы на книгу Бытия. Беседа VIII).

Итак, мы живем в мире, в котором от нас что-то реально зависит в силу того, что в нем нам дал власть Бог. Эта власть имеет свои границы, и особенно она ограничена в результате грехопадения, о чем мы подробнее будем говорить далее, но она реальна. Мы можем изменять этот мир, исцелять или губить, разрушать или созидать. Иногда люди заявляют что-нибудь вроде «от меня ничего не зависит», «я ничего не могу поделывать». Им кажется, что они могут только пассивно претерпевать то, что происходит, и ничего не могут изменить.

Библейская доктрина творения говорит о том, что это неправда. Мы всегда остаемся человеческими существами, а значит, мы всегда наделены властью в сотворенном мире. От нас всегда что-то зависит. Иногда наши возможности что-то изменить в мире очевидны и велики; иногда они представляются нам совсем маленькими, однако то, что кажется нам незначительным, может принести великие плоды. Безыскусные слова простой женщины могут привести к обращению будущего великого святого, который в свою очередь приведет к Богу великое множество людей; смиренные молитвы незаметного служащего способны предотвратить опустошительную войну. Когда мы обращаемся к тому, кто поставил нас владыками над делами рук Его и ищем у Него мудрости и сил, мы можем изменить очень многое; мы становимся соучастниками Его замысла о творении и спасении мира, замысла, в котором нет неважных деталей. В вере и послушании каждый из нас принимает на себя уникальную и исключительно значимую миссию. От каждого из нас зависит нечто крайне важное.

В нашем падшем мире «владычеством» часто называют возможность навязывать свою волю другим людям, принуждать их к повиновению. В этом смысле «владычеством» обладал, например, римский император, в распоряжении которого были легионы опытных воинов и огромные богатства.

Но подлинное владычество подобно владычеству Христа – оно глубочайшим образом меняет мир, но не через насилие, а через упорное и терпеливое служение Богу. Больше всего мир изменил сам Христос – который не имел ни богатств, ни войск, и за Которым люди следовали – и следуют – исключительно добровольно. Сами Евангельские события показались незначительными историкам того времени – которые были поглощены войнами и другими деяниями царей и императоров – но именно эти события определили лицо мира, в котором мы живем. На историю России огромное влияние оказал святой Сергей Радонежский, который никогда не желал подчинять других, но своим примером и наставлением изменил и судьбы множества людей, и целую страну.

Наши слова и поступки имеют значение – и последствия, иногда далеко выходящие за рамки того, что мы в состоянии увидеть и понять. Иногда мы видим результаты наших усилий; иногда – нет, и от нас требуется упорная вера в то, что ничто из того, что мы делаем для Бога, не пропадает и не останется тщетным. Когда мы принимаем решение служить Богу и искать Его воли, мы становимся активными участниками Его замысла, в котором каждый человек бесконечно важен и каждое наше решение имеет значение.

Я расскажу реальную историю, которую слышал несколько лет назад. Один христианин родился в сельской местности в очень бедной семье. Он упорно трудился, получил образование, и жизнь его стала устраиваться; он женился и был вполне счастлив. Потом у него родился ребенок с тяжелейшими врожденными повреждениями. Врачи сказали, что ни в физическом, ни в умственном отношении он никогда не будет здоров. Даже родная мать, жена этого христианина, едва смогла принять родившееся дитя. В крайне подавленном состоянии отец обратился за объяснениями к своему священнику. «Как же так? – спросил он. – Я всю жизнь старался жить так, как хочет Бог. За что Он теперь так наказывает меня?» И священник ответил: таких детей Бог доверяет тем, кто может о них позаботиться.

Вера в то, что Бог наделяет нас властью что-то сделать, что-то изменить, означает, что мы должны видеть Божественное поручение там, где глазами неверия мы увидели бы только тяготы, отравляющие нашу жизнь. Таких детей, таких мужей и жен, такие обстоятельства Бог доверяет тем, кто может о них позаботиться.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Итак, Бог сотворил наш мир – в нем есть цель и замысел, надежда и предназначение. Человек наделен владичеством, то есть его решения имеют реальные последствия для него самого и всего мира. Мы можем разрушать и созидать, спасать и губить. Мы наделены свободой и ответственностью.

Наша свобода означает, что именно мы сами являемся авторами собственных решений. Конечно, на нас оказывают влияние, доброе или дурное, люди или обстоятельства, но решаем всегда мы. Не гены, не погода, не соседи, не государство, не Церковь – мы сами принимаем решения и сами выбираем свой путь в жизни, даже когда не признаем этого и приписываем наши поступки другим людям или обстоятельствам, которые «довели» нас или «не оставили иного выбора». Это неправда, выбор всегда наш. Мы можем совершить подвиг или преступление; акт благородства или подлости, верности или предательства.

Из веры в творение следует, что этот выбор имеет вечное значение. Очень важно, каким человеком вы являетесь и как вы себя ведете.

Конечно, неверующий человек тоже может иметь твердые нравственные принципы и совершать достойные поступки, но беда в том, что в мироздании без Бога это не имело бы абсолютно никакого значения. Без Бога в мире нет ни нравственного закона, которому нам следовало бы повиноваться, ни награды праведникам, ни кары злодеям.

Иногда люди говорят о том, что мораль – это что-то само собой разумеющееся и без Бога, но это не так.

Люди придерживаются разных нравственных предпочтений. По мнению секулярных гуманистов (как и христиан), моральные убеждения нацистов преступны и порочны. На взгляд нацистов, преступны и порочны моральные убеждения гуманистов. Обе группы глубоко убеждены в том, что их взгляды вполне обоснованы с точки зрения науки и здравого смысла. Совершенно непонятно, кто полномочен выступать в роли пророка от имени «человека с большой буквы», от имени «общечеловеческих моральных ценностей». Все, что у нас есть, – это мнение одной группы людей против мнения другой группы людей. В рамках атеизма вы можете поступать так, чтобы заслужить одобрение определенных людей, – тех, чье мнение для вас важно,

тех, кого вы считаете своими. Но вы не можете заявить при этом, что другие люди – те, которые возмутятся порицать вас за то же самое, – неправы. Не существует никакой объективной, выходящей за рамки человеческих мнений, правоты или неправоты. Ведь есть только люди, (и группы людей) со своими субъективными оценками, несогласные между собой, а над ними нет никакого третейского судьи, который мог бы рассудить, кто из них прав.

Атеистический гуманист может сказать, например, что идеология и практика нацизма ему отвратительны и он не намерен терпеть их рядом с собой. Но он не может сказать, что нацисты объективно неправы.

Я могу возмущенно воскликнуть: «Как, Вы пьете кока-колу? Эту коричневую химическую гадость?!», и это будет не больше чем декларация личного вкуса, с которой одни люди согласятся, а другие – нет. Не существует объективного критерия «гадостности» и «негадостности» напитка. Возможны только предпочтения определенных людей и групп. Точно так же одни люди могут одобрять кровавых диктаторов вроде Гитлера или Пол Пота, другие – подвижников милосердия вроде Фридриха Гааза или матери Марии. В рамках неверия между их точками зрения нет никакой объективной разницы, потому что нет никакого объективного морального стандарта, с которым мы могли бы их соотнести.

В таком случае вы можете совершить что-то хорошее или плохое в глазах определенной группы людей; но вы не можете совершить то, что обладало бы объективной моральной значимостью.

Более того, окончательность и необратимость смерти в атеистической вселенной означает, что в вечной (и даже сколько-нибудь долгой) перспективе вы не отличите праха садиста от праха подвижника милосердия. Злодеи и благодетели, герои и изверги завершат жизненный путь одинаково – полным и окончательным небытием.

С точки зрения одних людей, забота о больном ребенке в ситуации, о которой мы раньше упоминали, будет правильным и достойным делом, по мнению других – глупостью, на взгляд третьих – преступлением. Кто-то (и необязательно нацисты) может считать, что нравственный долг взрослых – как можно раньше избавить этого ребенка от мучительной жизни, а семью и общество – от лишних тягот и расходов. Люди при помощи подложных свидетельств о смерти, спасавшие «неполноценных» в нацистской Германии, совершали преступление с точки зрения своего государства; с точки зрения многих современных людей, мать, которая отказывается пресечь жизнь больного ребенка еще в утробе, совершает предосудительную глупость. В разные времена в обществе может преобладать тот, или иной, или третий взгляд как на эту, так и на другие моральные проблемы, и чаще всего люди в своем мнении следуют за большинством.

Доктрина творения, напротив, говорит, что у человеческих поступков есть объективная моральная значимость, есть истинный Судия, в глазах Которого они получают оценку. В данном случае человек, который заботится о больном ребенке, поступает «воистину достойно и праведно, должно и спасительно». Это так с точки зрения вечного, объективного, независимого от переменчивых людских мнений критерия. Есть вечный Судия, который оправдывает такое поведение; Тот, Кто скажет: «Хорошо, добрый и верный раб; войди в радость Господина твоего».

Властью в творении, о которой мы говорили выше, наделил нас Бог, ответственность за то, как мы ею пользуемся, мы несем перед Ним. Государство, общественное мнение, партии, СМИ, какие-то еще общественные силы могут пытаться навязать нам свои заповеди и притязать на то, чтобы судить нас, но единственный Судия, перед Которым мы отвечаем на самом деле, – это Бог.

Грехопадение. Порча

В предыдущих главах мы говорили о владычестве человека. В Творении человек поставлен владыкой над делами рук Божиих; у людей есть реальная власть и реальный выбор. Человек – наследный принц творения, наделенный огромными возможностями, любимое творение Бога. Человек призван к близким, доверительным отношениям со своим Создателем.

Бывают счастливые семьи, где младшие почитают старших, а старшие оберегают младших, все любят друг друга, все вместе заботятся о доме, и хозяйство процветает. Бог в Писании сравнивает Себя с Отцом именно в такой семье. Однако отношения подобного рода могут быть только добровольными – люди по своей воле выбирают верность, любовь и заботу. И здесь возникает возможность греха, ведь люди могут и не выбрать любовь. Люди могут начать обманывать старших и притеснять младших; они могут разорять хозяйство, вместо того чтобы заботиться о нем. Примеров тому в нашей жизни более чем достаточно.

Люди, наделенные властью и свободой, способны употребить ее во зло; чем больше у них власти и свободы, тем худшее зло они могут совершить. Именно это и произошло с нами; именно поэтому мы живем в таком мире.

У всех нас есть опыт греха. Почти все мы помним, как наши поступки или слова разрушали наши отношения с окружающими, приносили вред нам или другим людям. Многие из нас могут вспомнить, как наше собственное безрассудство оборачивалось болью для нас и наших ближних. У нас есть и опыт столкновения, как личного, так и заочного, с грехом других людей. Мы знаем, какое зло приносят алчность, зависть, высокомерие или безответственность. Об очень многих проявлениях зла мы можем сразу сказать, что они порождены злой волей людей. Мы можем понять, что причина, по которой «мир лежит во зле», – это злая воля людей, в том числе наша собственная злая воля.

Но христиане видят в грехе нечто большее, чем просто отдельные плохие поступки. В результате греха изменилась сама природа человека. Это можно сравнить с алкоголизмом. Сам алкоголик считает: вот он напился позавчера, вчера и сегодня – и это просто отдельные проступки; но со стороны видно, что это болезнь и отдельные провалы – ее проявления.

Пока вы читаете эту страницу, страшная и трагическая человеческая история продолжается: армии воюют, террористы взрывают бомбы или захватывают заложников, преступники совершают громкие злодеяния. Возможно, вы услышите об этом в ближайшем выпуске новостей. Но в нем не расскажут о преступлениях помельче: о брошенных детях, распавшихся браках, оставленных умирать в одиночестве стариках. Многие люди, в том числе нехристиане, признают, что с человеческим родом что-то очень сильно не в порядке. Феминистка Риан Айслер пишет в своей книге «Чаша и клинок»: «Почему мы охотимся друг за другом и преследуем друг друга? Почему наша жизнь переполнена чудовищной бесчеловечностью мужчин по отношению к мужчинам – и к женщинам? Как могут люди быть столь жестокими к себе подобным? Что постоянно склоняет нас к жестокости, а не к доброте, к войне, а не к миру, к разрушению, а не к созиданию?» Автор не принимает христианского ответа на этот вопрос, но то, что она им задается, весьма показательно. Много раз в истории предлагались те или иные рецепты исправления человечества; люди видели корень зла в невежестве, или в несправедливом социальном устройстве, или в подавлении сексуальности, или в мужском доминировании, или в чем-то еще. Последняя глобальная попытка вывести «нового человека» была предпринята в нашей стране, и мы знаем, что из этого вышло. Увы, все подобные попытки обречены. Проблема не в чем-то внешнем по отношению к людям – глубоко повреждена сама человеческая природа, «сердце», как говорит Библия.

Эта испорченность в христианстве называется первородным грехом.

Учение о первородном грехе обычно вызывает наиболее решительную критику – и наиболее эмоциональное неприятие со стороны нехристиан. Это понятно: если не верить в Бога, тогда остается верить в человека, а в этом случае учение об испорченности человека разрушает всякую надежду. С точки зрения неверующего моралиста, вера в первородный грех подрывает желание и способность людей добиваться социального и морального прогресса; такая вера не менее вредна, чем вера здорового человека в то, что он болен. И действительно, внушать здоровому человеку, что он болен, – значит причинять ему несомненный вред; однако же несомненным вредом обернется и другое: если человек на самом деле болен, а мы будем внушать ему, что он здоров. У меня довольно плохое зрение, и если я внушу себе, что я вижу отлично, и откажусь от очков, то я буду налетать на все углы и, скорее всего, закончу свою жизнь под колесами автомобиля. А наша история, как и наша современность, свидетельствует о тяжелом нездоровье.

Такой взгляд на человека кажется обескураживающим и пессимистическим, однако на самом деле он связан с тем безмерным оптимизмом, который лежит в основе христианства: мы верим, что Бог всемогущ и что Бог есть любовь. Мы верим, что глубочайшая, вечная реальность – реальность Святой Троицы – исполнена безграничной любви и милости; Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы. Две эти доктрины – вера в благодать Бога и в греховность человека – так связаны между собой, что вера в одно предполагает веру в другое. Мы верим в реальность греха, глубокой порчи, поразившей мир и человека, именно потому, что мы верим в абсолютную благодать Бога.

Слова апостола Иоанна «Бог есть любовь», наверное, самые известные слова Библии; их часто повторяют и нехристиане, и те, кто вообще не знает, откуда они. Однако эти слова, если мы примем их всерьез, приводят нас к осознанию реальности греха. Бог есть любовь, а мир, как пишет тот же апостол в том же послании, «во зле лежит». «Мир полон кровью и слезами» настолько, что часто люди вообще отрицают бытие благого Бога. Если мы верим (как апостолы), что Бог все-таки благ, мы неизбежно приходим к признанию некой порчи, прежде всего в людях, которая противится любви Божией и вносит разрушение и боль в созданный Им мир. Как сказал английский писатель Гилберт Кит Честертон, «если правда (как оно и есть), что человек может получать изысканное наслаждение, сдирая шкуру с кошки, то приходится отрицать либо Бога, как атеисты, либо нынешнюю близость Бога и человека, как христиане». Именно эту порчу, которая стоит за всем злом и страданием мира, христианство и называет грехом. О ней мы подробнее поговорим далее.

ГРЕХОПАДЕНИЕ: ДРЕВНИЙ ОБМАНЩИК

Библейский рассказ о грехопадении использует самый простой, «детский» язык, чтобы помочь нам понять не только причины катастрофы, постигшей наш род на заре мироздания, но и природу греха как такового – греха, который мы совершаем здесь и сейчас. Третья глава библейской книги Бытия (если у вас есть Библия, вы легко найдете это место), начинается с упоминания некоего разумного нечеловеческого существа: *Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог* (Быт. 3, 1).

Змей, который появляется в этом рассказе, упоминается еще раз почти в самом конце Библии: *И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатанюю, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним* (Откр. 12, 9).

Речь идет о сатане; и нам нужно немного остановиться, чтобы понять, кто это такой.

У нас, христиан, есть уникальная информация, благодаря которой мы видим мир в совершенно иной системе координат. И мы понимаем, что он гораздо больше – у него есть духовное измерение, гораздо более обширное и важное, чем тот материальный мир, который мы

воспринимаем органами чувств. Это измерение не находится где-то в другой вселенной – оно пронизывает материальный мир и активно взаимодействует с ним. Могущественные духовные существа пребывают рядом с нами – Божии ангелы простирают над нами свой покров и хранят нас от зла. Хотя мы не видим их, они принимают самое деятельное участие в нашей жизни. Но не все обитатели духовного мира добры. Он охвачен мятежом и гражданской войной.

Существуют духовные силы зла, силы, противящиеся Богу и стремящиеся погубить человека. Писание начинает разговор о грехе именно с них. За человеческим противлением Богу стоит некая нечеловеческая сила. Библия называет ее дьяволом (то есть клеветником) и сатаной (то есть противником). Господь приходит, чтобы разрушить дела этой силы: *Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола* (1 Ин. 3, 8).

Еще до грехопадения человека могущественный ангел восстал против Бога и обратился в того, кого Писание называет дьяволом (то есть клеветником) и сатаной (то есть противником), драконом и змеем. Он увлек за собой часть ангелов, которые обратились в «духов злобы поднебесных». Эти духовные мятежники непрестанно ищут разрушить Божие творение – и особенно взаимоотношения Бога и человека.

Цель дьявола – разрушить все Божие творение, и особенно отношения человека с Богом; средство, к которому сатана прибегает, – ложь.

Господь Иисус говорит о нем: *Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи* (Ин. 8, 44). О чем эта ложь? Прежде всего о Боге и Его слове. Об этом и рассказывает книга Бытия: *И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?* (Быт. 3, 1).

На самом деле Бог этого не говорил; Его заповедь была такова: *И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2, 16–17).

Дьявол пытается перевернуть заповедь, чтобы представить ее как неисполнимую и бессмысленно тиранскую. Какой смысл поместить людей в саду, полном прекрасных плодов, и запретить им есть эти плоды? Как вообще они могут прокормиться, если все эти плоды им недоступны? Кто такой этот Бог, Который выступает со столь бессмысленным и жестоким запретом?

С тех пор тактика врага не изменилась. Для многих людей христианство – это набор бессмысленных и суровых ограничений. Многие неверующие обмануты змеем, потому и отворачиваются от христианства; многие верующие превращают свою жизнь во что-то безрадостное и унылое, веря, что именно этого от них хочет Бог.

И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть (Быт. 3, 2).

Ева не поддается на слишком грубую ложь; она помнит, что запрет касался только одного дерева, хотя и уступает врагу в том, что дополняет его запретом прикасаться к плодам.

И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло (Быт. 3, 4).

В этой фразе заключено очень многое, и мы рассмотрим ее по частям.

...нет, не умрете...

Сатана отрицает последствия греха: «Бог сказал, что вы умрете, если согрешите; но это не так. Вы можете согрешить, и с вами будет все в порядке». Грех не ведет к смерти – вот что змей старается внушить людям. Он может внедрять это в их сознание по-разному – отрицая бытие Бога вообще или внушая людям, что Бог слишком благ, чтобы допустить тяжелые, а тем паче необратимые последствия греха. Змей может действовать как-то еще, но главная мысль, которую он пытается внушить, – это мысль о том, что грех останется без последствий.

Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

Змей внушает, что грех, напротив, принесет пользу: откроются глаза ваши, и вы будете как боги. Бог это знает и не хочет, чтоб вы получили пользу. Цель заповеди, как уверяет змей, – лишить людей чего-то хорошего. Талантливый антихристианский писатель Филип Пулман выразил это так: «Есть две великие силы, – сказал мужчина, – и они сражались с начала времен. Все улучшения в человеческой жизни, все клочки знания, мудрости и достоинства, что у нас есть, были вырваны одной стороной из зубов другой. За каждый клочок человеческой свободы шла ожесточенная борьба между теми, кто хочет, чтобы мы знали больше и были мудрее и сильнее, и между теми, кто хочет, чтобы мы лишь скромно подчинялись» (Филип Пулман. «Скрытый нож»).

Восстав против Бога, обещает змей, вы обретете «знания, мудрость и достоинство»; Бог – тиран, который хочет сделать вас слабыми и глупыми, чтобы властвовать над вами.

ГРЕХ КАК БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Рассказ третьей главы книги Бытия указывает на одну очень важную сторону греха – безответственность.

И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся. И сказал: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела (Быт 3, 9–13).

Адам пытается скрыться от Бога; Бог не изменился, но Адам больше не доверяет Ему; их отношения разрушены. Адам не хочет признать свой грех и просить о прощении – он не верит в доброту Бога и предпочитает лгать и изворачиваться, перекладывая ответственность на Еву и косвенно – на Бога (жена, которую Ты мне дал). Ева в свою очередь сваливает на змея. Люди постоянно оказываются перед выбором – признать свою вину и попросить прощения или искать виноватого, на которого можно было бы все свалить. Люди предпочитают искать виноватых или – нередко – обвинять Бога.

С тех пор, как был записан этот рассказ, прошло очень много времени, но отношение людей к своей жизни остается тем же: мы склонны утверждать, что наши поступки определяются кем-то другим. Мы приходим в ярость потому, что другие люди нас злят; грешим потому, что другие люди вводят нас в соблазн; ненавидим ближнего своего потому, что он такой мерзавец, что мы не можем его не ненавидеть.

Наши поступки вынуждены окружающими нас обстоятельствами – погодой, страной, в которой мы живем, генами, чем угодно еще – исключая наше личное произволение. Мы не виноваты – виноват кто-то другой, или, возможно, и это всех устраивает – мать-природа.

Почему мы так жаждем сложить с себя ответственность? Ведь это чудовищно глупо и разрушительно с чисто земной, практической точки зрения. Отказываясь признавать свои поступки полностью своими, мы утрачиваем контроль над своей жизнью.

Кто оказывается автором книги нашей жизни, если не мы сами? Другие люди, обстоятельства, наши собственные внутренние импульсы, которые мы даже не пытаемся контролировать. На капитанском мостике нашей жизни оказывается всякий прохожий, наш руль поворачивает всякий случайный порыв ветра, всякая чайка, присевшая на него передохнуть.

Что будет с нашей жизнью? Ничего хорошего. В лучшем случае она будет просто пустой и жалкой – мы ничего не достигнем и ничего не обретем. В худшем – мы просто разобьемся о рифы алкоголизма, наркомании или закончим наши дни в тюрьме. В самом деле, что объединяет людей, потерпевших жизненное крушение? Их вера в то, что их жизнь и их поступки определяются кем-то другим. Они запили, потому что окружающие относятся к ним по-свински; бросили семью, потому что домашние «никогда их не понимали»; совершили преступле-

ние, потому что их довели или вынудили. Даже для того чтобы на чисто мирском, посюстороннем уровне привести свою жизнь в порядок, надо признать, что мы свободны в том смысле, что сами принимаем решения и сами несем за них ответственность.

Мысль, что грех каким-то образом делает нас счастливыми, прекрасными и сильными, – самая глупая мысль на свете, но диаволу раз за разом удается внушать ее людям. Мы снова и снова думаем, что уж на этот-то раз, если мы послушаем змея, а не Бога, у нас все получится, мы будем счастливы... И раз за разом остаемся у разбитого корыта. История Адама и Евы – это, во всех подробностях, и наша история...

ГРЕХ И ВЕЧНАЯ ГИБЕЛЬ

Итак, мы все находимся в состоянии катастрофы, которую богословы называют первородным грехом. Эту катастрофу можно описать с разных сторон, но прежде всего первородный грех есть утрата отношений с Богом.

Человек создан так, что в центре его жизни должен быть Бог; находясь в правильных отношениях с Богом, человек состоит в правильных отношениях с самим собой, ближними, миром в целом.

Эти отношения отражают отношения в Троице, где Отец, Сын и Святой Дух предвечноверяют Себя другу другу. Наилучшим образом рая, для которого мы созданы, может служить счастливая семья, в которой люди любят друга, радуются друг другу и служат друг другу.

В грехопадении человек отторг себя от Бога и, как планета, потерявшая орбиту, ныне ставит в центр своей жизни тех или иных идолов, чаще всего самого себя, но иногда «великое дело» или «великого вождя», или еще что-то либо кого-то. Все проявления зла и безумия, которыми так богата история, массовые или частные, суть результат утраты Бога как центра притяжения.

Грех порождает враждебность к Богу: для человека, желающего поставить в центре жизни самого себя или созданных им самим идолов, Бог оказывается угрозой его идолам, самовластию, самореализации, самоублажению – всему «само», вокруг чего вращается падший человек. Грех также неизбежно порождает враждебность к ближнему: все конфликты, начиная с семейных ссор и заканчивая мировыми войнами и геноцидом, обусловлены тем фактом, что мироздание – слишком тесное место хотя бы для двух грешников, каждый из которых хотел бы его себе полностью. Как это прекрасно формулирует немецкий мыслитель Фридрих Ницше, «если бы боги существовали, как бы я вынес, что я не бог?.. Следовательно, нет никакого Бога!». Но желание изгнать из Вселенной Бога, который мешает мне быть богом, также порождает желание избавиться и от ближнего, имеющего свое мнение на тему, кто тут бог.

Падший человек желает употребить ближнего в качестве топлива для своего превознесения. У диктаторов это проявляется как-то по-детски просто, а у тех, кто лишен их возможностей, – принимает символические формы. Например, составление таких карт реальности, где «двуногих тварей миллионам» отводится роль серого фона, на котором сияют наши достоинства: мы – элита на фоне анчоусов, мы – белые люди на фоне «черномазых», мы – умники на фоне тупиц и так далее и тому подобное в бесконечном множестве вариантов.

Грех, таким образом, есть состояние, несовместимое с жизнью не в силу того, что Бог по Своему произволу так решил, а в силу природы самого греха. Например, если человек – циничный эгоист, который пользуется другими людьми в своих интересах и затем предаст их, он не сможет иметь счастливого брака и крепкой дружбы не потому, что ему кто-то извне этого не даст, а потому, что он таков, каков он есть.

Грех оборачивается вечной гибелью, адом. Иногда спрашивают, как всеблагой Бог может обрекать грешников на вечный ад. Он и не обрекает – грешники обречены по своим личным качествам. В какие райские кущи их ни запусти – они принесут ад с собой. Адское пламя

внутри, а не снаружи. Один человек, переживший клиническую смерть, описывал ад как бесконечное поле боя, где преисполненные гордыни, ненависти и ярости погибшие души тщетно пытаются ранить друг друга или удовлетворить страсти, которые за неимением тела они удовлетворить не могут. Трудно сказать, насколько достоверно это видение, но образ хорошо описывает суть дела: злоба, иногда клокочущая в Интернете, социальных сетях, где люди не могут добраться друг до друга физически, помогает это представить.

Активное вмешательство Бога, Его суд и гнев состоят не в том, что Он ввергает в ад того, кто мог бы войти в Царство, а в том, что он милосердно полагает предел злу и в итоге препятствует злым терзать добрых, разрушать творение вообще. И эта граница, этот предел возможностям переживается злыми как мука.

Здесь нам стоит разграничить объективную благодать Бога и субъективное восприятие ее творениями. Например, если лишить закоренелого садиста возможности терзать других людей, субъективно это будет восприниматься им как болезненное лишение, но объективно окажется благом, в том числе и по отношению к нему самому, потому что это будет сдерживать его возрастание во зле. Объективно, лучше знать истину, чем не знать; лучше не творить зла, чем творить; лучше существовать, чем не существовать. Но самими злыми эти хорошие вещи – и истина, и удержание от зла, и даже существование – воспринимаются как мука. Герой повести Гоголя «Страшная месть» говорил: «Для человека нет большей муки, как хотеть отомстить и не мочь отомстить». Объективно, с точки зрения Бога, лишить ненавистника возможности мстить лучше и для других, и для самого грешника. Но для того, кто исходит бессильной злобой, это мука. А причина этой муки – то, во что погибшие себя превратили, а не благодать Божия. Бог благ по отношению ко всему творению, в том числе по отношению к сатане, демонам и погибшим душам.

Итак, на муку погибших обрекает отнюдь не Бог, но их собственный грех. Бог спасает людей от греха – и от муки вечной.

ПРИЗВАНИЕ АВРААМА

Итак, мы находимся в состоянии глубокого отпадения от нашего единственного счастья, от цели, для которой мы были созданы, от Бога. Наш грех породил глубокую пропасть между нами и Богом и обрек нас на временное и вечное бедствие. Вся кровавая драма человеческой истории – нескончаемые войны, смуты, зверства, мерзости и преступления – показывает, как ад выхлестывает на поверхность, как раскаленная лава из многочисленных вулканов.

Но в истории есть и нечто другое, гораздо более важное. Бог входит в нее, чтобы разыскать и спасти погибшее. Бог превращает человеческую историю в историю спасения. В мире действуют не только силы греха, хаоса и гибели – в нем таинственно действует Бог, и именно Он выйдет Победителем. Об этом повествует Библия.

Библию называют Божественным Откровением, потому что она рассказывает о том, как Бог открылся людям, вступил с ними в доверительные личные отношения, вел их Его путями. Но Священное Писание не только история; это живая Книга, через которую Бог наставляет Свою Церковь и каждого христианина.

В библейской книге Бытия мы находим историю Авраама – того, кого мы называем отцом веры. Аврам жил среди язычников, людей, которые поклонялись множеству различных идолов. Иногда, особенно в трудные моменты, этим идолам приносили человеческие жертвы.

И вот к Авраму обращается Бог – не один из фальшивых языческих богов, но истинный Бог: *И сказал Господь Авраму: поиди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные* (Быт. 12, 1–3).

Аврам слышит голос Божий и повинуется. Он верит, и нам стоит немного остановиться на том, что это означает. В древнем мире не было атеистов; все люди верили в существование сверхъестественного и пытались как-то поладить с могущественными и грозными невидимыми силами. Приносили жертвы, пели заклинания. Нередко язычники смутно осознавали, что там, над всеми богами, есть Бог-Творец. То, что отличает язычество, – это даже не отрицание верховного Бога-Творца, а отсутствие отношений с Ним. Он, может быть, где-то и есть, но с ним нет связи – со своими страхами и нуждами надо обращаться к божествам рангом пониже. Отношения с этими божествами носили чаще всего несколько торговый характер – боги напоминали человеческую аристократию, которой платили дань в обмен на покровительство. Аврам доверился Богу: *Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность* (Быт. 15, 6).

Вера Аврама – это личные отношения с Всевышним, которые сама Библия называет Заветом. Слово «завет» у нас иногда передают как «договор», но это звучит сухо и официально, в то время как завет предполагает именно личные отношения: завет мог быть заключен между народом и государем, между двумя государями; заветом называли и брак, при котором не только жених и невеста, но и их семьи становились родными друг другу.

И вот Бог заключает с Аврамом завет и меняет его имя на Авраам. *Аврам был девяноста девяти лет, и Господь явился Авраму и сказал ему: Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя. И пал Аврам на лице свое. Бог продолжал говорить с ним и сказал: Я – вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов, и не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.